Божья коровка божья коровка. Мифологическое значение Б. к. проясняется из анализа её наименований в разных языках и фольклорных текстах.

Наиболее распространённый вариант наименования Б. к. указывает на скот, принадлежащий богу или некоему божественному персонажу: рус. божья коровка, болг. божа кравица (кравичка), польск. boża krówka, литов. di vo karvýtė, румынск. vaca domnului [«корова (-ка) бога»], серб.-хорв. божја òвчица, нем. Herrgottschäffchen (т. е. «овечка бога»), франц. bête à bon Dieu («животное бога»), poulette à Dieu («курочка бога»).

Другой способ наименования Б. к. указывает на её связь с солнцем (которое тоже иногда обозначается как божье: верхнелужицк. bože słónčko, укр. сонечко, нем. Sonnenkäfer («солнечный жук»), Sonnenkälbchen («солнечный телёночек»).Названия первого типа связывают Б. к. с распространённым мотивом похищения коров (скота) бога его противником, названия второго типа [с внутренней формой «солнце (солнышко) бога»], основанные на внешнем виде Б. к. (летающее насекомое выпуклой, округлой формы, чаще всего красного или жёлтого цвета), с сюжетом «небесной свадьбы», особенно отчётливо засвидетельствованным в балтийской традиции, где солнце (или солнцева дочь) выступает как положительный персонаж.

Образу солнца в этом цикле соответствует Б. к.: она связана с богом, летает к небу и передаёт просьбы; приносит детей, помогает разыскивать стадо (т. е. в какой-то степени дублирует мотивы, связанные с громовержцем), предупреждает об опасности, предсказывает урожай, срок человеческой жизни.Вместе с тем мифологический образ Б. к. сохраняет следы тех трансформаций, которые произошли в мифе с отрицательным женским персонажем женой громовержца, изменившей ему; ср. мотив превращения жены громовержца в солнцеподобное насекомое (Б. к.) при аналогичном и, несомненно, более распространённом мотиве, когда согрешившая жена даёт начало вредоносным насекомым (комары, москиты, мухи и т. п.), трактуемым в этом случае как её дети, или превращается в одно из них. В этом же контексте нужно рассматривать и опалённость Б. к., соответствующую мотиву поражения жены громовержца карающим небесным огнём-молнией (ср.: «Божья коровка!

Улети на небо, принеси нам хлеба, чёрного и белого, только не горелого »); ещё очевиднее эта тема наказания огнём выступает в ряде фольклорных текстов (в частности, детских), построенных по такому типу: «Божья коровка, лети домой, твой дом

в огне, твои дети горят» (ср. нередкую в ряде языковых традиций формулу захода солнца: «солнышко в божий домик идёт», что сопоставимо и с названием Б. к. как божьего солнышка). Мотив горящих детей, наказанных за некий грех матери («не свои» дети) или за нарушение запрета позволяет с большим вероятием заключить, что Б. к. не что иное, как «превращённая» жена громовержца, несущая на себе следы наказания огнём.

Такой вывод подтверждается, в частности, другими названиями Б. к. латыш. mârîte (при том, что Мара сочетает черты жены громовержца и богоматери девы Марии), литов. di vo marýtė («божья Марьюшка»), нем. Marienkäfer («жук Марии»), англ., lady-bird («птица богоматери»), lady-bug («жук богоматери»), представляющими собой христианизированную перекодировку в соотношении с богоматерью (т. е. как бы женой бога).

Отсюда возникает и связь Б. к. с темой детей наказанной жены громовержца. Первый план развития этой темы актуализирует образ детей солнца, воплощающихся в днях недели, из которых седьмой отмечен как день солнца (ср. англ. Sunday, нем.

Sonntag, «воскресенье»). Второй план подчёркивает мотив наказания огнём детей Б. к., которых семеро (как и дней недели) по числу пятнышек на её спинке; ср. многочисленные названия Б. к. как «семипятнышковой», «семиточечной», а также строгий запрет убивать Б. к.Оба эти плана соотносятся с темой детей громовержца в «отцовских» версиях мифа; ср., например, представления о семи детях громовержца в литовской традиции, из которых отмечен именно седьмой, самый младший только он выдерживает испытание огнём и водой и оказывается «своим» сыном громовержца.

Причастность младшего сына к огню и воде объясняет, почему к Б. к., которая в данном случае выступает именно в этой ипостаси, обращают традиционный вопрос о том, будет ли дождь или хорошая погода, вёдро. Не случайно и то, что с младшим сыном связывается идея вечного возвращения, воскресения, богатства, прямая линия преемственности с солнцем.

Те же ассоциации характеризуют в народных верованиях и Б. к. Она нередко связана с переходом от старого к новому году.

Слово «бедрик», являющееся одним из украинских названий Б. к., присутствует и в ритуальных текстах, приуроченных к сочельнику (ср.: «Дай, боже, и на бедрик!» или «Щедрик-бедрик! дайте вареник» при «Щедрий вечір» как обозначение кануна нового года). Наличие варианта ведрик (бедрик) помогает, видимо, объяснить связь Б. к. с ясной погодой (вёдро).Существуют и прямые свидетельства связи Б. к. с громовержцем и с так называемым основным мифом индоевропейской мифологии. Древнеиндийское название Б. к. indragopa («та, чей пастух Индра») отсылает к мифологическому мотиву коров громовержца: возвращение похищенных коров вызывает оплодотворяющий природу дождь и солнце.

Литература :
Топоров В. Н., Балтийские и славянские названия божьей коровки (Coccinella septempunctata) в связи с реконструкцией одного из фрагментов основного мифа, в кн.: Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом, М., 1978.